

Прошёл месяц.

Пришла весна: зацвели сады, запели птицы, зазеленела трава.

Чи Нин же вот уже почти тридцать дней изнывал от безделья в тихом дворике своей канцелярии в Дирекции дворцового хозяйства. Жизнь без интриг, заговоров и активных действий казалась ему пересошим колодцем. Он сидел на его краю, заглядывал в темную глубину и чувствовал, что засыхает сам.

Юань, скрестив руки на груди, насмешливо спросил в его мыслях:

«Еда невкусная или кошка надоела?»

«Просто жить без великой цели — это не жизнь, понимаете?» — мысленно отозвался юноша.

Последний месяц выдался на редкость спокойным. Под гладкой, недвижимой поверхностью воды ворочались темные течения, но ни штормов, ни бурь не предвиделось. В этой сонной тишине Чи Нин напоминал юного поэта, который выдумывает себе мнимые печали, просто чтобы пострадать, — мирная, размеренная жизнь была ему не по нутру.

Он никак не мог привыкнуть к этому покою. Однажды утром, только открыв глаза, он даже испугался, что снова оказался в Цзянцзо.

В тот день, когда он перестанет бороться за власть, он наверняка либо окончательно состарится, либо просто умрёт.

Чи Нин гладил развалившегося на коленях кота и увлеченно донимал своего единственного друга — злого бога:

«Ну когда уже достроят Западный притвор? Старуха-императрица вообще помнит, что у неё есть внук, которому давно пора подкинуть проблем новому императору, чтобы проложить дорогу к титулу наследника? А в поместье великого генерала что, действительно смирились с указом о женитьбе их единственного сына? Ох, тоска зеленая! Всё, не могу больше. Может, пойти докопаться до Вэнь Шибao?»

Вэнь Шибao, к слову, уже допросили и проверили вдоль и поперек. Убедившись, что толстяк понятия не имел, что его обожаемая Хуан Саньнян была бунтовщицей из Секты Небесного Писания, его царственная бабушка, Великая принцесса Канлэ, вызволила любимого внука из Императорской тюрьмы. Получив суровое внушение от молодого императора, пожилая принцесса притихла и больше не пыталась мутить воду.

Доля принцесс в Великой Ци была на редкость незавидной.

«Почему второй брат всё ещё не вернулся?» — в сто восьмой раз затянул Чи Нин любимую волынку, переводя разговор на Юй Синчуя.

Путь из земель Шу до столицы был не столь уж долгим. Времени, чтобы добраться до Юнцзи и отчитаться перед государем, второму соученику должно было хватить с избытком, однако тот словно сквозь землю провалился. Ся Ся, названный сын Чи Нина, каждый день караулил у ворот, готовый встретить названного дядю в ту же секунду, как тот покажется на дороге.

В голосе Юаня проскользнули непривычные раздраженные нотки. В последнее время его почему-то уязвляло любое упоминание о втором соученике:

«Так не терпится? Впрочем, неудивительно. Насколько я помню, из всех братьев ты всегда был ближе всего именно с Юй Синчуем».

Их старший соученик, Цзян Чжиуэй, был значительно старше обоих младших, да и умом, откровенно говоря, не блистал. Из-за этого Юй Синчуя и Чи Нину волей-неволей приходилось держаться вместе — у них банально было куда больше общих тем для разговоров.

«Ну посмотрите, пожалуйста, где сейчас второй брат», — Чи Нин без зазрения совести принялся подлизываться к грозному божеству.

Но Юань проявил завидную стойкость. На все уговоры он выдал твердую триаду ответов в духе «с какой стати», «не хочу» и «мне всё равно». Проявил весь свой характер — капризный, холодный и совершенно равнодушный к мольбам смертных.

Хотя Юань и отказался выведывать путь Юй Синчуя, судьба сама преподнесла Чи Нину долгожданное развлечение.

Настал тридцать девятый день рождения Цянь Сяюя.

Поскольку именинник занимал первое место в Дирекции церемониала, столь важное событие никто не смел обойти вниманием. Ещё за месяц до торжества в его роскошное, пожалованное самим императором поместье в западной части города потекли нескончаемые реки подношений и подарков под предлогом почтения к празднику.

Эта усадьба была дарована Цянь Сяюю ещё покойным императором Су и славилась своей богатой историей. По соседству жила сама Великая принцесса Канлэ, но её резиденция ни по размаху, ни по многолюдности не могла сравниться с поместьем Цяня. У его ворот вечно толпился народ, и никого не смущало, что хозяин дома — обычный евнух. Молодой император милостиво позволил отпраздновать юбилей с небывалым размахом. Сияние этой монаршей милости было столь ярким, что Цянь Сяюй затмил всю столичную знать.

Каждый вельможа в Юнцзи почитал за великую честь получить заветное приглашение на

банкет в поместье Цянь. Однако право переступить этот порог даровалось далеко не всем дарителям. Сколько бы богатств ни таили в себе подношения, перед лицом истинной власти золото превращалось в черепки.

Цянь Сяюй во многом соответствовал классическому представлению о высокопоставленном евнухе: он пресмыкался перед сильными и нещадно топтал слабых, а его заносчивость не знала границ. Оказавшись на вершине могущества, он перестал считаться с чужими чувствами. Да и зачем? В этом они с Чи Нином были похожи: оба предпочитали брать от жизни всё здесь и сейчас, мало заботясь о дне завтрашнем.

Впрочем, к деньгам Цянь Сяюй питал слабость и относился к ним с нежностью. Руководствуясь исключительно практичностью, он понимал, что с «жирными овцами» нужно поддерживать теплые отношения ради будущих прибылей. Поэтому мелкие чиновники и богатые купцы, чьи подарки превзошли все ожидания, но чей статус не позволял пригласить их лично, получили благодарственные письма, якобы написанные господином Цянем собственноручно. Разумеется, за него писали писцы, но эти фальшивки вызвали в Юнцзи такой ажиотаж, что цены на бумагу подскочили едва ли не вдвое.

Ранее Чи Нин уже преподнес имениннику сундук с золотом и серебром, однако оба прекрасно понимали истинное назначение этой взятки. Поэтому перед самым торжеством Чи Нин, дабы соблюсти приличия, отправил в поместье Цянь небольшую шкатулку с Благовонием Далеких Гор.

Этим редчайшим благовонием Чи Нин издавна любил умащивать свои одежды. Ценность его измерялась не золотом: даже обладая безграничной властью, достать его было почти невозможно. Это подношение поставлялось исключительно к императорскому двору, и даже благородным наложницам перепадало от силы по паре няней в год.

То, что Чи Нин с легкостью расстался с целой шкатулкой, заставило многих позеленеть от зависти.

Конечно, всем было известно, что Чи Нин занимал пост оборонного евнуха в Цзянцзо, где и производилось это благовоние, так что запасы у него имелись изрядные. И все же завистники исходили желчью. Не имея смелости донести на него императору — ведь подобные жалобы ни к чему бы не привели, — они решили действовать тоньше: внести раздор в окружение Чи Нина, руководствуясь простым правилом: «Если тебе лучше, чем мне, я этого не переживу».

Жертвой их коварства стал Цзян Чжиуэй.

В его выходной день недоброжелатели устроили пир в Башне Взгляда на Реку, созвав туда евнухов в рангах тиду и шаоцзяней. Они арендовали весь верхний этаж, якобы чтобы полюбоваться ночным великолепием Юнцзи.

Развлечения у евнухов были пресными. Кто-то предложил позвать девиц из весёлого квартала по соседству, чтобы те скрасили вечер своими танцами и легкими нарядами.

Но Цзян Чжиуэй мгновенно испортил всем настроение, глубокомысленно вздохнув:

— Слыхали поговорку? «Полон разум печали и дум...» Словно толпа евнухов явилась в бордель.

Желание приглашать девиц у всех как рукой сняло. Пришлось созерцать огни столицы — они, по крайней мере, не напоминали о мужском бессилии.

Самым ярким пятном в ночном небе Юнцзи сейчас сияло поместье Цянь Сяююя. Огни там не гасли ни на миг. Один из гостей, изрядно захмелев, высунулся из окна и указал пальцем вдаль:

— Глядите! Огни в усадьбе господина Цяня сияют ярче луны!

Молодые и неопытные евнухи за столом дружно закивали, вздыхая от зависти:

— И то верно... Какая роскошь!

Разве среди них нашелся бы хоть один, кто не мечтал бы оказаться на месте Цянь Сяююя?

— А вот Линь-Линь не хочет, — подал голос вдрызг пьяный Цзян Чжиуэй, упираясь ладонями в стол, чтобы избавиться от двоения в глазах. Своего младшего соученика он обожал всем сердцем и гордился им невероятно. — Ему тогда всего десять лет было... И он сказал учителю — ик! — что не собирается ни под кого подстраиваться. Он будет только самим собой.

Единственным и неповторимым господином Линем.

Целью Чи Нина было кресло первого человека в империи — пост директора с печатью Дирекции церемониала, а не подражание какому-то конкретному евнуху.

Заговорщики переглянулись. Один из них, что помоложе, вкрадчиво и ядовито произнес:

— Ох, господин Цзян, до чего же вы простодушны! Вы-то его братом считаете, а вот он о вас думает совсем иначе.

— Че-о? — Цзян Чжиуэй с трудом ворочал хмельным языком. — Это кто еще... не считает меня братом?

— Да тот самый! У вас что, много названных братьев? — говоривший многозначительно сощурился.

— Вообще-то да, полно, — заулыбался хмельной Цзян Чжиуэй и принялся загибать пальцы, перечисляя кровных родственников, побратимов, собутыльников и, конечно, соучеников по

школе.

За столом повисла тяжелая тишина. Никому не было дела до его собутыльников.

— Полно вам, — вмешался один из старших евнухов, разряжая обстановку, чтобы беседа не ушла в сторону.

Но подстрекатель не думал сдаваться:

— А почему я должен молчать? Господин Цзян, я искренне уважаю вас за прямоту и силу духа, и мне больно видеть такую несправедливость. Мои слова могут прозвучать грубо, но вы уж не взыщите.

Будь Цзян Чжиуэй трезв, он непременно ответил бы: «Раз грубо — так придержи язык, мне твои речи даром не сдались». Но хмель сковал его разум, и подстрекатель поспешил продолжить свою тираду:

— До меня дошли слухи, что этот человек преподнес господину Цяню целую шкатулку Благовония Далеких Гор! Целую шкатулку! Вы хоть понимаете, сколько это стоит? Это же буквально жидкое золото! А вам? Что Чи Нин привез вам после своего возвращения?

— Младший брат привез мне кукурузу, батат и томаты! Они такие сладкие, пальчики оближешь! — Цзян Чжиуэй расплылся в довольной улыбке и даже причмокнул от удовольствия, вспоминая необычный вкус.

Кукурузу, батат и томаты Чи Нин собирал по указанию Юаня как перспективные сельскохозяйственные культуры. Первые две уже понемногу приживались на побережье, а вот томаты в Великой Ци считались декоративными растениями — их держали в горшках ради забавных плодов, похожих на крошечные красные фонарики. В народе верили, что они ядовиты.

Однако Юань заверил Чи Нина, что их можно спокойно употреблять в пищу. Обладая изрядной смелостью, Чи Нин самолично приготовил их на кухне: посыпал сахаром в холодном виде и обжарил с яйцами. Блюда вышли на славу. Юноша тут же отправил часть урожая второму соученику вместе с рецептами и обученным поваром. А по возвращении в Юнцзи одарил и старшего брата Цзян Чжиуэя, прислав ему еду вместе с личным кулинаром.

Чи Нин обожал вкусно поесть и всегда делился лакомствами с теми, кто был ему дорог. Даже те рисовые конверты в листьях, за которыми его слуги выстраивались в очередь на улице, он позже скупил и отправил старшему брату, наняв уличного торговца, чтобы тот приготовил их прямо у Цзян Чжиуэя дома.

Цзян Чжиуэй ценил эти угощения, но куда больше его трогала забота младшего брата, который

никогда о нем не забывал.

Остальные евнухи о диковинных плодах слыхом не слыхивали, а узнав, что речь идет об обычной еде, лишь презрительно фыркнули. В конце концов, кто из них голодал? Даже нищие родственники из глухой деревни не посмели бы явиться с такими жалкими гостинцами!

Решив, что нащупали слабое место, они продолжили раздувать пламя.

— Подумайте сами! Одному — бесценное Благовоние Далеких Гор, а вам — миску каши! Разве так поступают любящие братья? Да если бы он выделил вам хоть щепотку этой драгоценности, вы могли бы купить на нее горы зерна! — подстрекатель буквально исходил праведным гневом, будто обделили его самого.

Цзян Чжиуэй искренне изумился:

— С какой стати мне брать его благовония? Учитель перед смертью разделил запасы поровну между нами троими, у меня и своего добра хватает.

Правда это была или нет — вопрос второстепенный, но для Цзян Чжиуэя такая ложь давно стала привычной защитой. Из какого бы сомнительного источника ни происходили богатства братьев, они всегда дружно заявляли, что это наследство их покойного наставника, евнуха Чжана. Тот слыл человеком добродетельным, но в мире дворцовых интриг честность редко мешала накоплению богатств. Никто бы не поверил, что Чжан Цзинчжун ушел в мир иной нищим.

Поэтому любые сокровища, которые демонстрировали Чи Нин или его соученики, списывались на щедрость покойного наставника. Окружающим оставалось лишь исходить черной завистью: повезло же парням отхватить такого щедрого учителя, который оставил им целое состояние, да еще и избавил от необходимости ухаживать за ним на старости лет!

Раз благовония достались Чи Нину по наследству, он волен был распоряжаться ими как угодно, и упрекнуть его в предвзятости было сложно.

Но заговорщики зашли с другого боку:

— И все же это несправедливо! Вы — старший соученик, живете в столице, всегда под рукой. Почему же, когда освободилось место директора с печатью в Дирекции дворцового хозяйства, он выдвинул не вас, а поспешил сосватать Юй Синчуя, который вечно пропадает на окраинах империи?

Слухи о том, что Чи Нин прочит Юй Синчуя на этот пост, давно расплозились по дворцу. Молодой император не собирался хранить чужие секреты, да и сам Чи Нин не видел нужды делать из этого тайну.

Лицо Цзян Чжиуэя потемнело. В его глазах отразились обида, замешательство и глухая ярость.

Подстрекатель ликуяще улыбнулся, решив, что попал в цель. Но не успел он продолжить, как тяжелая ладонь Цзян Чжиуэя опустилась ему на затылок и со всей силы припечатала лицом к столу.

Никто не ожидал от вечно добродушного гиганта такой прыти. Сидевшие за столом евнухи, привыкшие решать споры интригами и ядовитыми шепотками, заверещали как базарные торговки:

— Ой-ой-ой!

— Убивают!

— Помогите, стража!

Хмель окончательно ударил Цзян Чжиуэя в голову. Он навалился всем телом на брыкающегося шутника и прорычал прямо ему в ухо:

— Сяньсянь?! Да как ты, червь навозный, смеешь его так называть?!

Несчастный евнух отчаянно пытался вырваться, но куда там — Цзян Чжиуэй обладал поистине звериной силой. Кое-как ухватив обидчика за волосы, он приподнял его голову и принялся методично прикладывать лицом о дубовую столешницу.

Вскоре лицо бедолаги превратилось в бесформенное месиво, и он смог лишь невнятно прохрипеть сквозь выбитые зубы:

— Пощадите... Ошибся я! Господин Юй! Господин Юй!

Остальные гости в ужасе забились по углам. Кто-то во хмелю срывает одежды, кто-то до хрипоты спорит о политике, но буйный Цзян Чжиуэй под воздействием вина превращался в настоящего мясника!

Окружающие никак не могли взять в толк: неужели этот безумец рассвирепел из-за непочтительного обращения к его второму соученику и пропустил мимо ушей всё остальное?

Цзян Чжиуэй всё прекрасно слышал. Именно поэтому он и пришел в такое неистовство. Да, он не отличался умом, но когда наглец принялся столь топорно поливать грязью Чи Нина, даже дурак бы всё понял. Он не был идиотом и не собирался терпеть оскорбления в адрес своего младшего брата.

Эти люди пришли с дурными намерениями. А как поступать с подлецами? Только бить. В суровых жизненных уроках, которые он усвоил, иного пути просто не существовало.

Когда Цзян Чжиуэя наконец оттащили, его жертва осталась лежать на полу, отплевываясь кровью и осколками зубов.

В итоге, когда карета Юй Синчуя наконец въехала в ворота столицы, вместо пышной встречи и теплых объятий его ждала весть о том, что старший соученик Цзян Чжиуэй устроил пьяный дебош, едва не зашиб человека и теперь прохлаждается под стражей.

— Сяньсянь, выручай, — умолял протрезвевший Цзян Чжиуэй, обнаружив себя в до боли знакомых стенах Императорской тюрьмы.

События прошлой ночи он помнил отчетливо и ни о чем не жалел. Единственное, чего он всерьез опасался, — это гнева Чи Нина, который непременно отчитает его за глупость. Ведь он поклялся младшему брату, что если еще хоть раз за эти три месяца попадет за решетку, то станет паршивым псом.

— Я не хочу быть псом, Сяньсянь...

Юй Синчуй лишь безмолвно вопрошал небеса, за что ему всё это.

Чи Нин об этой беде пока не ведал. Хоть он и считался негласным хозяином Восточного притвора, официальный приказ о его назначении задерживался. Строительство Западного притвора подходило к концу, и Ма Вэнь ходил именинником, предвкушая новую должность. Однако пока указ о назначении Ма Вэня не был скреплен императорской печатью, тот из кожи вон лез, лишь бы не дать Чи Нину занять пост директора Восточного притвора.

И вот два непримиримых соперника столкнулись у ворот усадьбы Цянь Сяюя, куда оба прибыли с поздравлениями.

Ма Вэню претила излишне изнеженная манера Цянь Сяюя вести себя, но партийный долг обязывал держаться вместе. Цянь Сяюй ныне возглавлял их фракцию и занимал пост директора с печатью в Дирекции церемониала. Ма Вэнь, как бы ни кипело его эго, вынужден был выказывать ему всяческое почтение, чтобы в свете не поползли слухи, будто его самого списали со счетов.

Заметив Чи Нина, евнух Ма не упустил случая пустить шпильку:

— О, поглядите-ка, кто пожаловал! Господин Линь, собственной персоной! Какими судьбами в наших краях? Вы ведь у нас теперь человек занятой, государственного масштаба!

Каждый придворный знал, что Чи Нин изнывает от безделья. Молодой император лишил его

рычагов влияния: отобрал право устраивать отбор невест, не давал занять пост директора, оставив лишь пустую должность генерального управляющего евнуха. До возвращения нового начальника из земель Шу делами Дирекции дворцового хозяйства временно заправлял пишущий евнух Дирекции церемониала Шан Эр.

Шан Эр питал к Чи Нину некоторую слабость из уважения к его покойному наставнику, но идти наперекор воле монарха не решался. Всё, что он мог сделать, — это тайно облегчить Чи Нину жизнь, сделав его домашний арест максимально комфортным.

Но покой не приносил Чи Нину радости. К тому же из-за бдительного надзора императорских ищеек он до сих пор не мог навестить родной дом, опасаясь подставить близких.

Какая уж тут радость, когда ты заперт в четырех стенах?

Чи Нин натянул дежурную улыбку и ответил Ма Вэню:

— Ваша правда, хлопот неувпроворот. Пытаюсь привести в порядок покои директора Дирекции дворцового хозяйства. Такое прекрасное место, а этот преступник Чжоу Хайв умудрился превратить его в сущий свинарник.

Чжоу Хайву за попытку втереться в доверие к семейству Чэнь с позором сослали в старую столицу, Цзиньлин.

Официальное обвинение, разумеется, звучало иначе — подделка казенных печатей. Один-два раза это могло сойти ему с рук, но Чжоу Хайв потерял всякую бдительность, на чем и погорел. Молодой император с радостью ухватился за этот предлог, чтобы обрушить на него свой гнев и лишить должности.

В свое время Великая Ци перенесла столицу из Цзиньлина в Юнцзи, однако на юге по-прежнему функционировали дублирующие министерства и дворцовые палаты. Для любого чиновника или евнуха ссылка в Цзиньлин означала лишь одно — почетную, но совершенно бесперспективную пенсию.

В Великой Ци евнухов редко карали смертью — на плаху отправлялись лишь те, кто замышлял открытый мятеж. В остальных случаях государь проявлял милосердие и отсылал провинившихся в южную столицу.

Чи Нину в свое время тоже грозила участь стать директором с печатью в Цзиньлине. Лишь благодаря невероятным усилиям и связям ему удалось выхлопотать перевод в Цзянцзо, что и спасло его карьеру.

Чжоу Хайв оказался менее удачлив. Ма Вэнь пальцем не пошевелил ради его спасения — император и влиятельный клан Чэнь были слишком злы на него. Его ждал позорный конец

карьеры в глуши.

Но одно дело — бросить пешку на съедение, и совсем другое — выслушивать насмешки от злейшего врага. Чжоу Хайв долгое время был верным псом Ма Вэня, и Чи Нин не просто заставил соперника отсечь себе руку ради спасения головы, но и теперь прилюдно посыпал рану солью. Ма Вэнь почувствовал себя так, словно получил звонкую пощечину у всех на виду. На его щеках выступил яростный румянец.

— Ты!.. — Ма Вэнь вскинул дрожащий палец, указывая на наглеца.

Но Чи Нину надоело препираться. Пустая болтовня не приносила удовлетворения. Будь они настоящими мужчинами, давно бы сошлись в открытом бою. Скорее бы уже заработал этот Западный притвор, чтобы они могли помериться силами!

Идея создать две соперничающие спецслужбы принадлежала самому Чи Нину — это был его главный козырь в борьбе за власть. Он искренне желал, чтобы Ма Вэнь скорее закончил приготовления. Увы, и Ма Вэнь, и молодой император оказались нерешительными глупцами, неспособными на смелые поступки.

На юбилее Цянь Сяюя собрался весь цвет столичной знати. Подарки прислали император, вдовствующая императрица, молодая государыня Лю и даже новоявленная фаворитка Цзи Цзань. Все видные министры и ученые мужи сочли за долг явиться лично.

Среди гостей выделялся первоприсутствующий Ван Ян.

Он занимал свой пост еще при покойном императоре Тяньхэ и сумел сохранить влияние при новом правителе, поскольку первым выступил против регентства вдовствующей императрицы и помог юному монарху взойти на трон. Его отношения с Цянь Сяюем, которого за глаза именовали «внутренним канцлером», за последние месяцы так и не наладились.

Тем не менее присутствие Ван Яна говорило о многом. Похоже, два титана решили заключить временный союз.

В мыслях Чи Нина раздался спокойный голос Юаня:

«Оба они терпеть не могут Сунь Эрба. Скорее всего, планируют объединиться, чтобы не подпустить его к Дирекции церемониала».

У молодого императора были свои планы. Не доверяя никому вокруг, он временно назначил преданного Сунь Эрба директором с печатью в Дирекции императорских конюшен для охраны дворца. Дирекцию церемониала он пока оставил за Цянь Сяюем, рассчитывая со временем передать бразды правления тому же Сунь Эрбу.

Сунь Эрб прекрасно понимал замысел господина и вел себя во дворце вызывающе дерзко. Близость к императору давала ему на это полное право.

Но они недооценили Цянь Сяюю. Этот хищник не собирался быть временной заменой. Стоило ему занять возделенное кресло директора с печатью, как согнать его оттуда стало задачей почти невыполнимой.

Молодому императору явно не хватало опыта в государственном управлении, он судил о вещах слишком поверхностно. Каковы бы ни были прежние обиды между Цянь Сяюем и Ван Яном, перед лицом общей угрозы союз «внутреннего» и «внешнего» министров становился неизбежным. И если этот альянс окрепнет, Сунь Эрба ждет неминуемая гибель.

До сих пор Цянь Сяюй не чувствовал себя уверенно лишь потому, что боролся с Ван Яном за первенство во власти. Теперь же, судя по всему, победа осталась за евнухом.

Впрочем, к чему забивать голову чужими интригами? Чи Нин пока не играл в этой лиге.

«Мои рассуждения звучат слишком завистливо, да?» — спросил юноша в мыслях.

«Можешь не сомневаться. Зависть из тебя так и брызжет», — отозвался Юань.

Чи Нин вздохнул. Скрывать очевидное было глупо: он безумно завидовал этим вершителям судеб и страстно желал поскорее оказаться на их месте, в самом водовороте придворных интриг.

«Ты добьешься своего. Очень скоро», — подбодрил его злой бог.

«О?» — глаза юноши азартно блеснули. — «Вы наконец решили проклясть до смерти всех моих врагов?»

«... Я могу это сделать. Но где же тогда удовольствие от борьбы? Разве тебе самому не хочется пройти этот путь?»

«Вовсе нет! Я бы с радостью стал всемогущим прямо сейчас, без всяких усилий», — без тени смущения признался Чи Нин.

Юань на это лишь многозначительно промолчал.